

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ РОССИЯ
МОСКВА

«Штормовое предложение» — это не только экстренное сообщение с ноттиков. Спектакль под таким названием, поставленный Ф. Демьяненко по пьесе В. Кудрина и открывший гастроль в Москве Камчатского областного драматического театра, тревожно напоминает совсем о другом — о стремлении иных людей к лидерству, которое, случается, смысл и цель жизни замыкает на себе само.

Своей включенностью в идею не самую острую театральную дискуссию последних лет, на одном полюсе которой хорошо знающий себе цену инженер Чешков («Человек со стороны» И. Дворецкого), а на другом — диспетчер-строитель Лея Шиндин, готовый добровольно отказаться от собственного лица («Мы, нижеподписавшиеся» А. Гельмана), театр показал, что отдаленность Камчатки — понятие сегодня чисто географическое. И вот перед нами новый герой — капитан рыболовного судна Козымов (В. Грачев). Вопрос о лидерстве, пожалуй, легче всего рываться в плане теоретическом. Решается однозначно. Плохо — и точка. В жизни же — на стрелке и в забое, в полете и на капитанском мостике — все еще велик дефицит как из характера, притянув лидерство — энергию и силу, на готовность пойти на риск и на, чего греха таить, обыкновенную пробную способность. Другая таким смотрят в рот, их ценят начальство, их и девушки крепче любят. Косит, все это мимолетом и верно замечено и в спектакле. Но современно ли это стремление паразитствовать? Морально ли оно в наш век? И театр, кажется, уже готов развенчать такого героя. По его вине гибнет корабль. Он распленен начальством Крушением заняты следственные органы. Жена погибшего товарища глядит с укоризной, и лучший друг руки не подает. Но отчего-то мы в зрительном зале не спешим бесповоротно осудить героя и, пожалуй, готовы даже в финале, так же как и любимая им женщина, дружески положить руку на его плечо. Не оттого ли, что видим, как изменился человек, что ничто не проходит для него бесследно?

А что касается самого стремления быть первым, быть самым вольным, уверенным, рискованным и сильным, то об этом по-разному размышляют в спектакле люди, а огромная, во всю длину, карта акватории Тихого океана, по глади которой плывут мельничные кораблики, словно символы противостояния, одоления человеком стихии, как бы молча призывая к себе чью-то силу, отвагу, рискость и в рядом чудные жерла орудий, и в прошлом веке защищена была Камчатка от неприятеля и которые ныне украсили ее улицы, стоят в спектакле не просто для обозначения места действия. Они входят в главную тему напомнимем о подвигах, о доблести, о цене победы, о смысле риска о том, что, как сказано в спектакле, «беречь человека — это не только беречь его жизнь, но и его дух». Мысль эту театр защищает с волеванием, страстью, быть может, иногда по своему внешнему проявлению избыточной. Порой расхожие атрибуты морской романтики, жаргон, остроты и шуточки невысокого уровня сыплются на зрителя, да простят мне морское сравнение, как рыба из прохлудившегося тила.

Что же касается неподдельной северной романтики, ее клонировать и своеобразно, но чрезвычайно ярко она предстала в спектакле «Потерянный праздник» (пьеса написана Г. Протоповым по мотивам сказок народов Севера), который дал почувствовать саму душу Севера с его мелодиями и красками. Поставлен-

ный к 50-летию образования автономных округов Севера режиссером Т. Сапего и оформленным Ю. Назаровым, спектакль дает возможность прикоснуться к самым истокам духовности народа — его связи с природой. В характере главного героя спектакля Акан (В. Новиков) связь эта проявилась поэтически тонко, жизненно достоверно.

Борьба за духовность человека намечена как главная тема и другого спектакля — «Петро» А. Галина, поставленного Т. Сапего, спектакля тихого, нетропического, обстоятельного. В нем одноклассный примитивизм современного мещанина, помещенного в узнаваемую ситуацию, столь изначальную понятию и всен,

и отгеснение несколько в тень, убедил нас в красоте вступившей в испытаниях прекрасной любви. Вероятно, многим в зале хотелось бы видеть этих героев более пылкими, разнообразными — то счастливими, то несчастными, особенно Джейн, прошедшую путь от беззаботной юности до трагического обретения себя в испытаниях. Но актеры избрали сдержанную манеру игры и, вполне доверяясь правде героя драмы Гюго, полагают возможным сделать их более современными, лаконичными и скульптурными на проявления чувства.

Большое заблуждение думать, что зритель манит в театр только лишь новизна. Видимо, каждый из собравшихся на спек-

«Потерянный праздник». Акан — В. НОВИКОВ. Сцена из спектакля «Идиот». В центре: Мышкин — В. СТЕКЛОВ.

что долгое объяснение его сущности кажется излишним. Сделана попытка доказать его ничтожество еще и тем, что его не уважает и не любит жена. Что ж, и это бывает, хотя, случается, любит и таких. Леонида (В. Грачев) не любит и тесть Николай Михайлович, приехавший к дочери из деревни. В исполнении В. Андрианова это чрезвычайно симпатичный человек, труженик, добрая, чистая и сочувственная душа. Николаю Михайловичу никак не удается сформулировать, что же именно не нравится ему в доме зятя: дом — логная чаша, антикварная мебель, хрусталь, завал продуктов. Духовное голодание в богатом доме зятя тесть обнаруживает особенно остро, когда в дом придут три молодые женщины, приглашенные предпринимчивым зятем в качестве предположительных невест будущего тестя. С приходом этих женщин в доме как-то поднимается в цене человеческое достоинство, сердечность, такт, духовность.

Правда, в спектаклях три опытные актрисы (А. Васюнина, Г. Астраханкина, М. Соловьева), по-моему, слишком увелиכים показом одиночества, покинутости, беспомощности, часто связанных со старостью. Все это, слов нет, важные мотивы, но они не совсем из этой пьесы. В итоге женщин уместно пожелать, что и делает Николай Михайлович, а где жальность — там мало места очарованию и восхищению.

Духовность во все века спорит с холодным расчетом. Благородство побеждает коварство. Любовь и счастье приходит как награда к тем, кто был бескорыстен, честен, добр и великодушен. Все это мотивы нестаряющего Гюго. В спектакле «Мария Тюдора», поставленном В. Зверинским, рассказано в основном о стоадиных обманутой королевы, даже скорее — просто любящей женщины, которая мстит. Но одновременно мастерски ханжливый Джейн Бери (В. Савельев) и Джейн (З. Янышева), хоть

также «Идиот» несомненно хорошо знал это произведение Ф. М. Достоевского. И все-таки пришел, чтобы в который раз проехать в полупустом вагоне с Мышкиным и Рогожиным. Постоять бедным родственником, переминаясь с ноги на ногу, в генеральской прихожей. Залобившись с ликом, хмельным и могучим озорством влюбленного миллионера. И с трудом унять подступившую к сердцу обиду, когда поблудивший князь Мышкин будет мучительно желать, чтобы красавица Настасья Филипповна не уезжала, осталась с ним.

И вновь с учительным восторгом искать правильного посылка для тоскующей и мятежной Настасьи Филипповны — А. Савельев, неожиданно составивший, с трагической нотой Рогожин — В. Грачев — азучующего требовательного и душевно-торгательного князя Мышкина — В. Стеклова. Искать посылка такого, чтобы было и по справедливости, и по сердцу. И в который раз не найдя его, будем смышлены одним этим поиском.

Что может помешать наслаждению этой новизной повтора? Мешает иногда сам театр. Искусственное в нем. Нарочно придуманное. Выступил, к примеру, в этом спектакле художник С. Гомберг решает чуть больше, чем мысленно им быть, укрепила изгородью чуть больше остраконных пик, и уже нет уютного старого Петербурга с мостом через канавку, а есть некое обозначение несоборудованности, аждатости — почти гермы. Увидел и услышал, как в этом спектакле говорит друг с другом люди, как они порой беспринципно грубы и крикливы, можно только удивиться их поведению. Но, может быть, режиссер Ф. Демьяненко так решил обозначить агрессивность, враждебность Мышкину его окружению? Право же, такие «находясь» отнюдь не углубляют сценического прочтения Достоевского.

Обоих хочется сказать о Ко-медии Ж. Б. Мольера «Мещанин во дворянстве». В трактов-

ке Камчатского театра (режиссер Ф. Демьяненко) это спектакль очень громкий, даже агрессивный. А в искусстве, где агрессивность, глуп и слабости. В чем же слабость этого спектакля? Пока зрители расаживаются в креслах, на сцене люди в париках и старинных платьях пьют коктейли за стойкой бара под звучание современных электронных инструментов, некоторые покаиваются в тачке, как сейчас принято. Но вот кто-то ударит в большой гонг; высидит рядом с баром, и все преобразается. Оказывается, это гонг в театре? — артисты изображают некую группу, вздумавшую сыграть Мольера. Современную группу Оттого и плашки, и элекрогитары, и микрофоны. Все оказалось очень несложно понять. Но лишь до того момента, пока гонг не извещает, что актеры начинают играть собственно Мольера. Через минуту стало ясно, что нам показывали группу, которая понятия не имеет, что такой Мольер и зачем его играют.

На сцене шла пародия на до-режиссерский театр. Каждый из актеров играл актера, которые играют кто что нафантазируют. По своему желанию и тонкая тема Жюльетты хмельющего от всего дворянского, англосаксонского, пересмыслена антистарым В. Красногором в духе позднейшего времени. Его Жюльетта — воинствующий мещанин, самодур, желющий доказать, что и сегодня — полнокичество. Причем мещанин озабочен явно с милитаристским упором. Выходит дворянского платья в спектакле, партия приносит Жюльетте доспехи рыцаря, кожаный шлем и широкий клинок. Облеченный в такой наряд Жюльетт тут же пробует обнять прислугу, но доспехи мешают. Вдвоем они идут подталкивая друг друга к сцене. Это лишь один из штрихов буйной антерской фантазии, которая в подобном направлении бьет ключом. В антракте актеры доверительно сообщают зрителю нечто о сведения о нравах во времена Мольера и маленькая жидкая для того времени. С ударом гонга действие вновь несется, подгоняемое податливыми и драматическими.

Актарам вроде очень весело играть в плохой театр, они ржуют, смеются, кажется, единственно: чем чуднее, тем лучше — и гнусавят, выкрикивают, пародируют изображение стража, ненависти, любви, давая кривизну на кого угодно, может показаться и на самих себя.

Но, быть может, театр никогда и не пародировал, а играл всерьез? Если так, то в этом случае название спектакля, открывшего гастрольную афишу в Москве, а отнесу и к подобному сплуту прочтения классики. В нем для театра поистине звучит штормовое предупреждение...

Геннадий БИРЮКОВ